

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. – 580 с.

Монография Т. Н. Дмитриевой заполняет существенный пробел в исследовании финно-угорской ономастики. Впервые проведен комплексный анализ одной из наименее известных ее составляющих – хантыйской топонимии. Работа выполнена в лучших традициях екатеринбургской ономастической школы, ее отличает знание глубинных механизмов и закономерностей формирования и бытования топонимической системы, опора на обширные коллекции полевого материала, тщательность и добросовестность в исполнении. Проведенный анализ позволяет сделать важные в теоретическом отношении выводы об особенностях топонимической системы, обусловленных промысловой культурой и кочевым образом жизни.

Первый раздел – вводный, содержащий важные для дальнейшего анализа сведения о географии, истории, этнической ситуации в крае, а также вкладе предшественников в изучение хантыйской топонимии. Полезны разделы, в которых представлены языковые особенности казымского диалекта, существенные в плане топонимического исследования, а также основные правила транскрипции и транслитерации.

Первый собственно ономастический раздел исследования посвящен выявлению и описанию структурных моделей хантыйской топонимии. Показано, что, совпадая в основных моментах с топонимией других финно-угорских языков, в частности прибалтийско-финских, она в то же время отличается такой структурной особенностью, как удивительная многокомпонентность и связанные с ней комплексы топонимов. Данная особенность возникла, с одной стороны, из потребности в большом количестве названий в связи с использованием обширных территорий, свойственным носителям промысловой культуры, с другой, видимо, спровоцирована ограниченными возможностями человеческой памяти. Подобные комплексы топонимов широко применяются, например, в саамской топонимии. Вторая заметная особенность – наличие значительного числа девербальных наименований, которые обусловлены кочевым образом жизни и связанными с ним так называемыми событийными топонимами.

В целом четкий раздел нуждается, на наш взгляд, в одном дополнении относительно иерархии компонентов в топонимах. Автор говорит о компонентном составе топонимов, однако обходит стороной вопрос об определяемом (детерминант) и определяющем (атрибут) компонентах и их структуре. Это приводит к некоторой нечеткости в последующих разделах, когда, к примеру, в качестве атрибута рассматривается элемент, который в действительности является частью детерминанта. Поясню на примере *aj w̄is lor* «маленькое проточное озеро», в котором автор относит к атрибуту элемент *w̄is*, хотя он на самом деле является частью сложного по структуре детерминанта *w̄is lor* «проточное озеро», определяемого атрибутом *aj* «маленький».

Возникает и вопрос о различении сложного по структуре географического апеллятива и топонима: к примеру, *jõxat ow* «устье реки» рассматривается как сложный топоним с атрибутивной частью *jõxat* «река». Между тем в прибалтийско-финской традиции соответствующее обозначение *joensuu* «устье реки» считается сложным по структуре географическим термином, который в качестве такового – как неразложимая единица – переходит в топонимическое употребление (ср. название города *Joensuu* в Восточной Финляндии), и топоним по структуре является простым. Это, конечно, очень непростые случаи различения слова и словосочетания, особенно в условиях, когда не сложились правила раздельного и слитного написания хантыйских топонимов (см. об этом ниже).

В следующем разделе предложен анализ детерминантов, в качестве которых выступают термины, обозначающие природные и культурные объекты – всего более 50. Этот список

значительно обширнее того, который был известен по прежним исследованиям хантыйской топонимии [см., например, Радомски, 1969]. Наиболее разработанной оказывается терминология, связанная с водными и болотными объектами, что, по справедливому суждению автора, является закономерным отражением важнейших физико-географических особенностей местности, а также их значения в экономической жизни населения. Раздел отличается скрупулезностью и тщательностью в подаче материала. Дается ареальная характеристика детерминантов, в ряде случаев предпринимается их этимологический анализ (*šom, paw*), характеризуется сфера употребления (например, функционирование ряда терминов только в сакральных текстах). Выясняется, что географическая семантика в целом ряде случаев является вторичной, развившейся в результате метафорического переноса (*wūs, tos* и др.), при этом метафорическая природа многих терминов впервые установлена автором исследования. Такие термины ценны как показатель своеобразия видения мира хантами.

Полезен предложенный в заключении статистический обзор, направленный на выявление наиболее типичного. Установлена зависимость продуктивности детерминанта от того, насколько детально разработана в нем характеристика местности. Это закономерность, имеющая для топонимии типологический характер.

Основной раздел монографии посвящен анализу атрибутивных элементов топонимов, который сопровождается значительным этнокультурным материалом. Эту главу также отличает тщательность исполнения и, кроме того, использование обширного круга источников – словарных, картографических, исторических и, конечно, полевых. В работе показано, что семантика атрибутов хантыйских названий, с одной стороны, обладает универсальными признаками. Это особенно хорошо видно, поскольку автор ориентируется в описании системы атрибутивных элементов на классические подходы, реализованные в целом ряде региональных топонимических исследований. С другой стороны, семантика хантыйской топонимии обладает безусловным своеобразием, проявляющимся не только в наборе топооснов, но и в наличии значительной мифологической и образной составляющей. Здесь отражается, судя по всему, народное видение мира в условиях промысловой (не производящей) культуры, когда осваиваются значительные пространства и господствует анимизм. Особенно показательны сложные комплексы взаимосвязанных названий, объединенных фольклорными сюжетами (путь Казымской богини или легенда о братьях-богатырях с реки Амня). Такие комплексы выполняют религиозно-мифологическую функцию и вместе с тем являются своеобразной картой, которая помогает организовывать, идентифицировать и членить местность. Подобные топонимические легенды могут быть использованы и для реконструкции хантыйской мифологии.

Проведенное Т. Н. Дмитриевой исследование образности в хантыйской топонимии важно, помимо прочего, для исследования субстратной топонимии севера Европейской части России. Последняя создавалась носителями промысловой культуры, а значит, в ней особое место занимает образная система, что далеко не всегда учитывается исследователями, подходящими к ней с позиций современных представлений, а не того «мифологического видения» местности, которое было присуще древним обитателям севера. Для реконструкции древних пластов топонимии европейского Севера существен и вывод о значительном числе ситуативных, событийных названий в обществе, где господствует промысловое хозяйство. В материалах по хантыйской топонимии, как явствует из исследования Т. Н. Дмитриевой, такие названия составляют значительный процент. При этом некоторые ситуативные или образные интерпретации были бы не столь убедительны, если бы не опирались на полевые материалы автора (например, в связи с *šameš* 'болотный мох') и не сопровождалась бы фактами из области этнографии, истории, фольклора (ср. традиционное для фольклора ханты восприятие высо-

кого обрывистого берега в образе лица, а растительности на горе как волос или платка). Привлекая объяснения информантов, автор стремится выявить и случаи народной этимологии, что, впрочем, не всегда просто. Поэтому нельзя исключать, что среди топонимов, интерпретируемых информантами, а вслед за ними и автором, как событийные, на самом деле есть названия с иной мотивацией.

Отдельной положительной оценки заслуживает предложенная в данном разделе реконструкция ряда хантыйских лексем, вышедших из активного употребления, но сохранившихся в топонимах, а также выявленный автором значительный этнокультурный потенциал географических названий ханты. Отмечу в качестве примера безусловно ценный материал по хантыйским антропонимам, отразившимся в топонимах и рассматриваемых автором в контексте этнической истории ханты.

Самостоятельную ценность имеет раздел исследования, связанный с изучением лингвоэтнических контактов и их отражением в топонимии. Основные идеи данного раздела могут быть объединены в два блока.

Первый связан с этногенезом казымских ханты и этнической историей территории Казыма. Приводятся убедительные топонимические свидетельства контактов ханты с ненцами, коми, манси. В совокупности с историческими данными они свидетельствуют об участии названных этносов в формировании хантыйского населения Казыма и подтверждают позднее появление ханты на этой территории. Последнее обстоятельство объясняет исключительную этимологическую и семантическую прозрачность здесь топонимии ханты и одновременно ставит вопрос о причинах плохой сохранности дохантыйского субстрата. В самом деле, почему в хантыйской по употреблению системе топонимов практически лишь ряд речных наименований воспринят у предшественников, на уровне же микротопонимии таких названий нет (или почти нет)? Обусловлено ли это каким-то особым характером взаимоотношений или автор просто не ставил своей задачей их раскрытие?

Отдельно следует отметить предложенный в работе разбор ненецких топонимов Казыма. Географические названия местных ненцев – белое пятно на топонимической карте Западной Сибири, что еще больше повышает ценность исследования Т. Н. Дмитриевой.

Второй блок идей, связанный с отражением русско-хантыйских контактов, выводит на проблемы современного функционирования хантыйской топонимии и ее сохранения в той критической ситуации, которая сложилась в настоящее время. Промышленное освоение природных ресурсов края ведет к разрушению традиционной культуры ханты, смене этноязыкового сознания местного населения. Автор констатирует, что на Казыме пока еще сохраняются черты традиционного хозяйственного уклада, поэтому есть условия для сохранения хантыйской топонимии. Вместе с тем в топонимии уже присутствуют черты разрушения, наиболее наглядными из которых является то обстоятельство, что ханты дают географическим объектам русские названия.

В связи со сложившейся ситуацией автор совершенно справедливо ставит вопрос о необходимости скорейшей выработки правил написания хантыйских топонимов в официальных источниках. В данном контексте хотелось бы обратить внимание на то написание топонимов, которое предлагается в работе. Основанное на финно-угорской фонематической транскрипции, оно, конечно, не преследует цели выработки неких норм. Тем не менее автор стремится к унификации в написании, в частности, в русской передаче специфических хантыйских фонем, что, несомненно, ценно для становления правил написания. Однако один из наиболее сложных вопросов не только для хантыйских, но и для финно-угорских топонимов в целом – слитное или раздельное написание компонентов сложных названий остается нерешенным. Остановившись на раздельном написании, автор исходит из четкости в выделе-

нии компонентов, однако при этом нарушается восприятие названия как единого целого, происходит неразличение сложных и составных по структуре топонимов.

Завершая рассмотрение основных положений монографии, отмечу еще раз, что работа Т. Н. Дмитриевой вносит важный вклад в изучение финно-угорской ономастики. Вызывает истинное уважение стоящий за исследованием большой труд по сбору топонимии, постижению глубин языка и культуры ханты. Исследованию присуща научная основательность и добросовестность, а также увлеченность избранной темой – сочетание исключительно благодарное и творческое. Без него невозможно было бы сделать столь скрупулезное и качественное исследование.

И. И. Муллонен, докт. филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. полиграфкомбината, 2002. – 424 с.

Рецензируемая книга посвящена историко-этимологическому анализу географических названий Республики Марий Эл [РМЭ]. В ней содержится более 8 500 статей, объясняющих названия деревень, сел, городов, лесов, гор, болот, оврагов, рек, озер, а также некоторых иных объектов РМЭ, ценных в историко-культурном отношении. При создании книги использованы предшествующие работы И. С. Галкина (статьи в выпусках сборника «Вопросы марийской ономастики» (1980, 1982, 1987, 1990, 2001), книги «Тайны марийской топонимики» (1985), «Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края» (1991)), а также материалы кандидатской диссертации О. П. Воронцовой (Терентьевой) «Гидронимы Ветлужско-Вятского междуречья (потамонимы)» (1994).

Композиционно книга делится на следующие части: предисловие (с. 3–4), введение (с. 7–22) и историко-этимологический топонимический словарь (с. 23–408). В конце книги указываются источники, список которых содержит 161 наименование (с. 409–414), и научная литература – 270 наименований (с. 415–422).

В предисловии О. П. Воронцова и И. С. Галкин кратко описывают структуру книги, характеризуют материалы и источники, использованные при ее создании.

Во введении обсуждаются проблемы марийской топономастики и, в частности, вопрос о роли топонимических исследований в воссоздании истории марийского народа. В соответствии с этим в рамках введения авторами выделено два раздела: «История изучения марийской топонимии» (с. 7–14) и «Древние места проживания марийцев по данным топонимии» (с. 14–22).

В разделе «История изучения марийской топонимии» И. С. Галкин и О. П. Воронцова останавливаются на некоторых наиболее важных, на их взгляд, работах, а также отмечают то новое, что сделано за последнее время в изучении марийской топонимии. В разделе «Древние места проживания марийцев по данным топонимии» историческая реконструкция закономерно связывается авторами с проблемами топонимической стратиграфии и этимологии. Традиционно признавая наибольшую древность гидронимов, авторы уделяют особое внимание анализу формантов речных названий.